

З. Самашев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы
e-mail: archaeology_kz@mail.ru

**ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТАХ
С КАМЕННЫМИ ГРЯДАМИ**

В статье рассматриваются культово-ритуальные или культово-поминальные объекты, известные в науке под названием курганы с «усами», которые до сих пор являются загадочными как по своему происхождению, так и по содержанию, а также по функциональному назначению. В целом, содержание и характер событий, которые развертывались на площади данных объектов, не вполне известны, поскольку исследователи пока не располагают в достаточном количестве материализованными свидетельствами-остатками, дающими повод строить различные гипотетические выводы и догадки, начиная от чисто прагматического подхода в целях экономии времени и трудозатрат, кончая актом перекодировки изначально заложенной семантической нагрузки с целью адаптации ее к своим мифоритуальным комплексам.

Кроме того, затронуты вопросы хронологической атрибуции данного вида археологических памятников и необходимость возврата к вопросу о комплексном их изучении на междисциплинарном уровне. По мнению автора, последнее обстоятельство позволит, в первую очередь, определить даты конкретных объектов, а в некоторых случаях – этапы возведения различных компонентов всего ансамбля, поскольку существует мнение об одновременности и отдельных компонентов – большого кургана и малых объектов, самих усов, которые могли быть пристроены позже к ранним погребальным (или поминальным) сооружениям. Автор предлагает в перспективе рассматривать «курганы с усам», геоглифы и араны как близкие по содержанию семантической нагрузки, однопорядковые явления, имевшие место в степном пространстве во II-V вв. н.э.

Ключевые слова: курганы с «усами», культурная и хронологическая принадлежность, гуннское время, предтюрки, семантическая нагрузка.

Z. Samashev

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: archaeology_kz@mail.ru

Once again about objects with stone ridges

The article examines the cult-ritual or cult-memorial objects known in science as barrows with “mustaches”, which are still mysterious both in their origin and in content, as well as in their functional purpose. In general, the content and nature of the events that unfolded on the area of these objects are not entirely known, since so far the researchers do not have sufficient materialized remains, which give rise to various hypothetical conclusions and guesses, starting from a purely pragmatic approach in order to save time and labor costs. ending with the act of recoding the originally laid down semantic load in order to adapt it to their mythological complexes.

In addition, the issues of chronological attribution of this type of archaeological monuments and the need to return to the issue of their comprehensive study at an interdisciplinary level are touched upon. According to the author, the latter circumstance will allow, first of all, to determine the dates of specific objects, and in some cases the stages of construction of various components of the entire ensemble, since there are opinions about the simultaneity of individual components – a large mound and small objects, the whiskers themselves, which could be attached later to early burial (or memorial) structures. The author proposes to consider in the future “barrows with mustaches”, geoglyphs and arans, as similar in content semantics load, one-order phenomena that took place in the steppe space in the 2nd-5th centuries.

Key words: burial mounds with “ridges”, cultural and chronological affiliation, Hunnic time, pre-Türks, semantic meaning.

3. Самашев

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: archaeology_kz@mail.ru

«Мұртты» қорғандар жайлы тағы бір пікір

Мақалада ғылымда белгілі “мұртты” қорғандар деп аталатын діни-салттық немесе діни-мемориалдық нысандар қарастырылады, олар әлі күнге дейін шығу тегі, мазмұны, сондай-ақ функционалды мақсаты бойынша жұмбақ болып келуде. Жалпы алғанда, осы объектілердің аумағында орын алған оқиғалардың мазмұны мен сипаты толығымен белгілі емес, өйткені зерттеушілер уақыт пен еңбекті үнемдеу мақсатында таза прагматикалық тәсілден бастап, оны мифоритуалды кешендерге бейімдеу үшін бастапқы семантикалық жүктемені қайта кодтау актісіне дейін әр түрлі гипотетикалық тұжырымдар мен болжамдар жасауға, жеткілікті мөлшерде материалдандырылған қалдықтарға бай еместігін көрсетеді.

Сонымен қатар, археологиялық ескерткіштердің осы түрінің хронологиялық атрибуциясы және оларды пәнаралық деңгейде жан-жақты зерттеу мәселесіне оралу қажеттілігі мәселелері қозғалды. Автордың пікірінше, соңғы жағдай, ең алдымен, нақты объектілердің күндерін, ал кейбір жағдайларда бүкіл ансамбльдің әртүрлі компоненттерін салу кезеңдерін анықтауға мүмкіндік береді, өйткені бір уақытта жеке компоненттер туралы пікірлер бар – үлкен қорған мен шағын нысандар, мұрттың өздері, кейінірек ерте жерлеу (немесе еске алу) ғимараттарына қосылуы мүмкін. Автор болашақта “мұртты бар қорғандарды”, геоглифтер мен арандарды б. з. II-V ғғ. дала кеңістігінде орын алған мазмұны жағынан жүктеме семантикасына жақын бір қатарлы құбылыстар ретінде қарастыруды ұсынады.

Түйін сөздер: “мұртты” бар қорғандар, мәдени және хронологиялық тиістілігі, ғұн дәуірі, ежелгі түркілер, семантикалық мағынасы.

Введение

На территории Восточного Казахстана до недавнего времени было известно лишь несколько объектов с каменными грядами, пять из которых были раскопаны Ф.Х. Арслановой в разные годы (Арсланова, 1975:116-129). В наше время, пределах административной территории Восточно-Казахстанской области РК (Северные склоны Тарбагатая, Шынгыстауский хребет и др.) выявлено более 50-ти новых объектов с каменными грядами, из которых раскопано пока два (Бейсенов, Умиткалиев, Дуйсенбай, 2017а: 50-60; Умиткалиев, Айтбаев, Әбдіғали, Педрацки, 2018; Айтқали, Жунисханов, Доумани Дунью, Исин, Рахманкулов, Курманғалиев, 2019: 208-222).

У всех семи раскопанных объектов пространства между дугообразными грядами не были исследованы широкими площадями, что снижает их информационную ценность.

Несмотря на то, что количество выявленных «курганов с усами» стало больше, здесь системные поиски не проводились, поэтому регион еще не рассматривается исследователями как один из возможных центров формирования этого культурного феномена.

Культово-ритуальные или культово-поминальные объекты, известные в науке с не вполне удачным названием «курган с усами» (появившееся, скорее, на ассоциативном уровне), – явление своеобразное в истории культуры и до сих

пор загадочное как по своему происхождению, так и по содержанию, заложенных в них идей и по функциональному назначению (рис. 1).

Рисунок 1 – Курган с «усами» Кызылтас.
Раскопки З. Самашева

Дискуссионными до сих пор остаются вопросы хронологической атрибуции данного вида археологических памятников, о чем свидетельствует, например, беглый статистический анализ исследованных к 2006 году 51 объекта (65-к 2019 г) из нескольких сотен «курганов» с каменной грядой в пространстве от Урала до Алтая (Боталов, Любчанский, Таиров, 2006: 11-13; Грудочко, 2019).

Наибольшее количество «курганов» с каменными грядами зафиксировано на сегодняшний день в пределах Казахского мелкосопочника,

что дало основание некоторым исследователям связывать их происхождение и функционирование с тасмолинской археологической культурой (VII-I вв. до н.э.), выделенной в свое время М.К. Кадырбаевым по памятникам раннего железного века Центрального Казахстана (Бейсенов, 1996: 113). Несогласные с таким утверждением российские исследователи приводят свои аргументы (Боталов, Любчанский, Таиров, 2006: 13).

И, действительно, простая статистика (существующая на сегодняшний день) показывает, что основная часть раскопанных курганов с усами укладывается в расширительные рамки так называемого периода великого переселения народов – II-IV – VII вв. н.э., что заставляет искать дополнительные аргументы для определения более дробной датировки и, особенно, для выделения ранних типов этих памятников.

Для решения поставленной задачи исследования использованы материалы археологических работ разных лет, монографические исследования, посвященные различным аспектам изучения курганов с «усами», а также научные сборники, специальные отдельные статьи ученых. Каждая работа того или иного исследователя рассматривалась с точки зрения исторической проблемы. При помощи анализа и сопоставления археологических материалов определялись уровни достоверности. В выводах следовали принципу объективности.

Материалы и методы

В Казахстане до сих пор нет ни одного полностью исследованного кургана с усами, где были вскрыты также и площадь в пространстве между усами, где гипотетически могли происходить жертвенно-культовые или иные ритуально-обрядовые действия и где могли сохраниться какие-либо следы от них, которые пригодились бы при разработке вопросов хронологии и, особенно, в толковании их смысловой нагрузки. Даже на комплексе Солончанка-1 в Оренбуржье, который можно было бы считать всесторонне изученным, пространство между грядами – земляными валами осталось не вскрытым (Любчанский, Таиров, 1999: 5- 62).

Реконструкция кургана с усами из Жанай-дара в Улутауском районе Карагандинской области, выполненная в свое время А.М. Оразбаевым, демонстрирует лишь один из вариантов их архитектурно-конструктивного облика и уже представляет историографический интерес, как результат начального этапа научного подхода к

исследованию этих памятников (Оразбаев, 1969: 175-191).

Сейчас необходимо вернуться к вопросу о комплексном исследовании этих памятников на междисциплинарном уровне, который позволит, в первую очередь, определить даты конкретных объектов, а в некоторых случаях этапы возведения различных компонентов всего ансамбля, поскольку существует мнение об одновременности и неодновременности (в ряде случаев) отдельных компонентов – большого кургана и малых объектов (как уже показывают радиоуглеродные даты, о которых пойдет речь ниже), самих усов, которые могли быть пристроены позже к ранним погребальным (или поминальным) объектам. Во всяком случае такие догадки давно были высказаны в литературе (Сорокин, 1981: 24-25).

Радиоуглеродные даты, полученные в последние годы из нескольких курганов с «усами», показывают, что действительно в ряде случаев существуют серьезные временные разрывы в возведении кургана-доминанта и включенных в систему дополнительных сооружений – малых курганов и самих каменных гряд (усов), а также жертвенников и др. Так, например, на могильнике Тандайлы-2 в Бухаржырауском районе Карагандинской области основной курган датируется (по C-14) VIII-VII вв. до н.э., а малый курган-спутник с примыкающими «усами» – II-IV вв. н.э. (Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, Святко, 2016: 237).

Примерно такую же ситуацию демонстрируют результаты исследований одного кургана могильника Сабана Восточно-Тургайском плато, который датируется, на основе анализа обряда погребения и вещевого комплекса, VII-VI вв. до н.э., а пристроенные к нему с восточной стороны малого диаметра округлые в плане курганообразные сооружения с боковыми дугообразными грядами, т.е. «усами» – по C-14 250-410 гг. н.э. (Онгар, Каирмагамбетов, Нускабай, Рахимжанова: 2020).

Таким образом, в указанных случаях временной разрыв в возведении различных компонентов единого ансамбля, составляющего так называемый курган с «усами», очевиден. Еще один пример. AMS ¹⁴C даты из кургана с «усами» Жамантас (Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017: 231):

Западная насыпь, погребение 2471±32
Cal BC 752–682 (0,393) 669–611 (0,308) 593–538 (0,300);
Cal BC 768–475 (0,965) 464–452 (0,015) 445–431 (0,020);

Восточная насыпь 1654±30
 Cal BC 351–367 (0,188) 379–421 (0,812);
 Cal BC 263–276 (0,016) 329–431 (0,919) 491–530 (0,065) или (Бейсенов, 2017б: 34):

AMS ¹⁴C даты по кургану с «усами» Койтас, кость лошади 1680±27 Cal BC 342–398 (1.000) Cal BC 259–281 (0.075) 324–420 (0.925) и кургану с «усами» Бесоба, восточная насыпь (спутник), кость лошади 1670 +/-28;

Cal AD 346–372 (0.429) 376–406 (0.571);

Cal AD 261–279 (0.045).

Часть объектов с каменными грядами, причем относительно ранняя, возникает «с нуля», на чистом поле, сразу же, как целостный ансамбль.

Для данной категории (а не типа) памятников название «курган» даже с приставкой с «усами» будто бы не подходит (если исходить из этимологического значения этого слова в русском языке как «могильный холм» – по С.И. Ожегову), поскольку эти сооружения, к которым пристраивались каменные гряды, изначально могли не содержать человеческие захоронения.

Как свидетельствуют вышеприведенные радиоуглеродные анализы, другая категория курганов с «усами» как ансамбль формируется для осуществления каких-то ритуально-обрядовых мероприятий с использованием «готовых» сооружений, в пределах функционирующих (или нефункционирующих) могильников предшествующих периодов, т.е. происходит перекодировка изначального сакрального значения объекта в точке пространства и адаптирование его к целям и задачам совершенно иных ритуально-обрядовых мероприятий. Это означает, что даже при совпадении форм системообразующих компонентов, между двумя категориями указанных памятников существует не просто хронологический разрыв, а различия в смысловом содержании и практике проведения кульминации религиозно-культовых действий на площадке между каменными грядами.

Для того, чтобы однозначно ответить на простейшие вопросы – когда и зачем это произошло, нужны осуществлять системные исследования с использованием новейших достижений различных наук, т.е. на междисциплинарном уровне и, естественно, необходимо осуществлять раскопки с широкими площадями и с тщательной документацией.

Использование космоснимков и возможностей беспилотников, а также методов геофизического зондирования и внедрение других естественнонаучных методов для фиксации,

картографирования и изучения курганов с усамми только набирает обороты, поэтому можно констатировать, что первейшая задача, связанная с выяснением специфики топо-ландшафтных условий расположения курганов с усамми в пространстве уже начала реализовываться.

Если проводить типологию «курганов с усамми» по визуальным признакам, предложенным на уровне археологической процедуры разными исследователями, выявление процентных соотношений и другие, то они, естественно, отражают этапы развития научного поиска, нежели некую реальность, поскольку целенаправленных и плановых полевых исследований с детальной документацией данного типа археологических памятников в масштабах всей страны еще никто не проводил. Другими словами, те процентные показатели, которые фигурируют в литературе, могут быть восприняты как некий ориентир, но не как аргумент для обоснования какой-либо точки зрения, поскольку ежегодно в литературе появляются сведения об открытии и фиксации новых разнотипных курганов с усамми в разных регионах страны.

Поэтому, все существующие на сегодняшний день типологические схемы «курганов с усамми» как определенный, т.е. как начальный (второй) этап исследовательской процедуры, начиная с А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, Ф.Х. Арслановой, А. Бейсенова, И.В. Грудочко и др., следует рассматривать как предварительные, т.е. они представляют, в большей степени, историографический интерес, нежели прагматический, поэтому не следует излишне акцентировать внимание на них, поскольку новые открытия и статистика могут все изменить в будущем. Типологический метод здесь должен выполнять свою функцию как рабочего инструмента для решения обозначенных выше вопросов, а не стать самоцелью археологической процедуры.

Результаты и обсуждение

По данным на 2019 год в степном пространстве от Казахского Алтая до Уральских гор зафиксировано более 550-ти объектов с каменными грядами, из которых 241 (43 %) – в Центральном Казахстане, включая Чингистауский массив, территориально относящийся к Восточному Казахстану (Грудочко, 2019). Такая статистика несколько умаляет значение Центрального Казахстана как об особом очаге, где сконцентрировано наибольшее количество объектов с каменными грядами, со всеми вытекаю-

щими отсюда вопросами этнокультурного порядка и происхождения данного феномена.

Конечной целью научного изучения объектов с каменными грядами является расшифровка смысловой нагрузки как архитектурно-конструктивных элементов самих «усов» и сооружений курганов и их подобий, так и предполагаемых ритуально-обрядовых действий их создателей с использованием этих объектов и пространства площадок вокруг них, а не разработка, на процедурном уровне, очередных типологических схем.

Появление материализованного (строительство «усов», дополнительного «малого кургана» и др.) и нематериального (ритуально-обрядовые действия, мистерия шамана или жреца, жертвоприношения, тризны, состязания и пр.) компонентов этого феномена в открытом пространстве связано с реализацией какой-то общей религиозно-мировоззренческой идеи, существовавшей в идеологии как отдельного социума, так и глобальной общности в целом, возможно, приуроченной к какому-то календарному циклу. Только в последнем случае можно уловить возможные причины возведения этих сооружений и их связей с астрально-солярными культурами, о которых разные догадки на ассоциативном уровне строили еще первые исследователи – А.Х. Маргулан, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев и другие.

М.К. Кадырбаев полагал, что эти памятники с пристройками в форме полудуг «носят сугубо ритуальный характер и являются отражением определенного культа – вероятнее всего, солярного», и считал, что они располагают всеми атрибутами солярного культа, которые были описаны Геродотом – «конь, как жертва «быстрейшему светилу», и каменные гряды, всегда открытые «входом» на восток» (Кадырбаев, 1966: 431-432).

На начальном этапе изучения этих памятников, в числе различных допусков, существовало мнение о предназначении этих сооружений для погребения особой касты людей – жрецов культа солнца.

М.К. Кадырбаев считал, что «Прежде всего эти комплексы по трудоемкости создания, своему богатству и пышности, несомненно, являлись погребениями крупной родоплеменной знати: вождей племен, глав патриархальных семей, старейшин рода, наиболее выдающихся воинов» (Кадырбаев, 1966: 431). В контексте данного высказывания М.К. Кадырбаева можно было бы связывать происхождение «курганов с усами» с культом умерших предков, сородичей, воинвожатников и др.

И.А. Кукушкин предположил, что курганы с «усами» могли выполнять функции некрополе образующих сооружений, вокруг которых формировалась основная часть могильника (Кукушкин, 2004: 33), однако они планиграфически занимают преимущественно периферийные участки погребального поля (например, Карабие, Карамурун-1, Канатгас, Егизкойтас, Нурманбет-II – в Центральном Казахстане, Солончанка-1 – в Оренбуржье, Иманкара – в Атырауской области, Кызылтас и Чингистауская группа – в Восточном Казахстане и др.). Скорее, здесь кроется хронологическая причина.

Сейчас, с большей долей вероятности, можно говорить, что «курганы» с каменными грядами возводились не для погребения умерших членов социума. Однако, несколько случаев с человеческими захоронениями, зафиксированными под этими сооружениями, требуют комплексных объяснений.

Однако, если учесть приуроченность этих памятников (во всяком случае – подавляющей их части) в планиграфическом отношении к древним некрополям, то при разработке проблем происхождения, особенно при реконструкции содержания культово-обрядовых действий и их направлений, необходимо не только учитывать, но и осмыслить данный фактор.

Тем временем, некоторые исследователи отмечают, что в ряде мест, в частности в «Атасуском микрорайоне», встречаются «курганы с усами», разбросанные по одиночке (Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018: 103), что заставляет искать и другие возможные варианты объяснения происхождения этих памятников, без непременно привязки их к древним некрополям, следовательно, к погребально-поминальной обрядности.

С мнением И.В. Грудочко относительно смыслового содержания подобного рода действий, как коллективное празднество, поминки или просто встречи между аилами во время весенне-летнего периода (Грудочко, 2019), можно и не соглашаться, но это была попытка объяснения содержания происходивших на этих объектах событий.

Заключение И.В. Грудочко о курганах с «усами» как одноразовое жертвенно-поминальное сооружение и, что «центральный курган» представляет собой результат засыпки (заброски) ритуального пространства камнем, не соответствует логике (Грудочко, 2019). В таком случае количество таких объектов должно было быть не 550 и даже не 5550 единиц, а гораздо

больше во всем степном пространстве от Иртыша до Жайыка, за несколько столетий. Также не может быть, чтобы так называемый центральный курган представляет собой бессистемно насыпанный каменный холм, это, скорее всего, результат неправильной разборки сооружения и слабой документации процесса исследования. Во всяком случае, на этом этапе исследований есть основание подвергать сомнению правильность такого утверждения.

Продолжим рассуждение по поводу семантики курганов с усами. После резонансной публикации энтомолога П.И. Мариковского на страницах Академического научного журнала об астрономических аспектах изучения курганов с каменными грядами в 1977 году (Мариковский, 1977: 54-61), Академия наук КазССР и Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова поручили М.К. Кадырбаеву провести исследования этих памятников в Центральном Казахстане с участием астрономов и геофизиков, но интерес вскоре погас. Не увенчалась успехом и вторая попытка П.И. Мариковского в 1983 году обратить внимание научной общественности к этому вопросу (Мариковский, 1983: 26-31).

Позже, астрофизик Н.М. Бекбасаров на волне зародившихся в 80-90-х годах прошлого века археоастрономических веяний в интерпретации содержания некоторых видов археологических объектов, задался вполне резонным, как ему показалось, вопросом: «Не являются ли курганы с «усами» не только ритуальным местом или своеобразным храмом, где совершались обряды поклонения Солнцу, но и в некотором отношении древними обсерваториями, предназначенными для регулярных наблюдений за источником жизни на Земле? Объектами наблюдений могли быть и Луна, яркие звезды и планеты», и дал положительный ответ, основываясь на многочисленных расчетах и измерениях, а также наблюдениях за движением Солнца в полевых условиях. Он пришел к выводу, что каждый элемент кургана с «усами» имеет астрономическое значение (Бекбасаров, 1998: 163, 169). С некоторыми замечаниями по выводам Н.М. Бекбасарова выступил А.З. Бейсенов, который, в целом не отрицая возможность такого рода поиска, призвал астрофизиков более строго в методическом плане подойти к проведению полевых исследований курганов с каменными грядами (Бейсенов, 1998: 171-175), а недавно было объявлено, что в настоящее время вопрос о «древних обсерваториях» Казахстана на базе курганов с усами

вроде бы отпал (Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018: 104). Может быть. Однако, допустимо, что при проведении каких-то обрядовых мистерий (коллективных или индивидуальных) в течение какого-то промежутка времени (суточный, многодневный или годичный циклы) или жертвоприношений участники церемонии могли каким-то образом обращать свои взоры на светило (или на звездное небо), т.е. некий солярно-космогонический аспект может присутствовать при дальнейших разработках, связанных с расшифровкой семантики этих памятников.

Курганы с «усами» вызвали необычную ассоциацию у И.А. Кукушкина, суть которой заключается в том, что весь «комплекс кургана с усами реализует идею рогатого коня, где каменными дугообразными выкладками обозначены рога-лучи солнечного козлорогого коня» (Кукушкин, 2004: 34). Его версия базируется на признании принадлежности курганов с «усами» к тасмолинской археологической культуре и усиления сакральной роли коня в системе религиозно-мифологических представлений ее создателей в условиях сложения кочевого способа хозяйствования. В образе «закамуфлированного» коня, как полагает И.А. Кукушкин, совмещаются представления о реальных и фантастических существах в мифологии древних кочевников, материализованные остатки которых известны в пазырыкских курганах Алтая в виде коней в рогатых масках. Пазырыкская культура, относившаяся к юечжи, как известно, прекращает свое существование где-то в конце III в. до н.э.

В целом, сущность, содержание и характер событий, которые развертывались на площадках этих объектов, не вполне известны, поскольку пока не располагаем с материализованными остатками каких-либо действий, что дает повод строить различные гипотетические выводы и догадки, начиная от чисто прагматического подхода в целях экономии времени и трудозатрат, кончая актом перекодировки изначально заложенной семантической нагрузки с целью адаптации ее к своим мифоритуальным комплексам. Форма и содержание происходивших здесь событий требует всесторонней верификации, поскольку, при самых привлекательных вариантах расшифровки, они могут остаться гипотетическими.

Для кардинального решения вопросов культурно-хронологической атрибуции нужно сначала четко признать наличие двух категорий анализируемых памятников:

1. Основное курганообразное сооружение с примыкающими с двух сторон дугообразными грядами (и другие дополнительные элементы) возникли одновременно для реализации чрезвычайно важной для религиозно-идеологической установки этносоциокультурной общности, с жизнедеятельностью которой они связаны в историческом срезе времени.

2. Дугообразные каменные гряды пристроены к ранее возведенному погребальному (или погребально-поминальному) сооружению значительно позже, для проведения (или в процессе проведения) культово-религиозных действий, т.е. системообразующие структурные элементы ансамбля возникли в разное время.

Первая категория памятников, судя по анализу имеющихся материалов и данных по С-14, датируется примерно II-III – IV вв. н.э., а некоторые доживают, как полагают российские исследователи, до VII, даже до VIII-IX вв. н.э. и связаны с ранними тюрками (Боталов, 1998: 321-330). Верхняя дата, по-видимому, небесспорна.

Классическим хронологическим маркером для данной категории является объект на Атасу-2, о котором сообщили А.З. Бейсенов, А.И. Торгоев, Д.Б. Дуйсенбай и И.К. Ахияров в специальной статье (Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018: 103-117).

Комплекс состоит из каменной насыпи (еще названо каменным кольцом шириной 2-2,45 м) диаметром 8,3 м, высотой 0,45 м и двух дугообразных каменных гряд, расположенных с восточной стороны на определенном расстоянии и имеющих округлые в плане сооружения (диаметр – 5,6 м в развале?) на концах.

В публикации отсутствуют характеристика методики изучения, анализ конструктивных элементов сооружений, поэтому многие вопросы, связанные с документированием и, особенно, архитектурным обликом памятника, остаются неясными. Тем не менее, исключительный интерес в плане культурно-хронологической атрибуции данной категории памятников представляет клад, зарытый в одной из двух ям глубиной 0,25 м, диаметром 0,5 м, внутри округлого сооружения, состоящего из нескольких электропроводящих пластин и наконечников ремней, оформленных в полихромном стиле, со вставками из красного камня, обкладка на луки седла с чешуйчатым орнаментом. «Красные камни», отмеченные в указанной статье (Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018: 106, 107), возможно, являются разновидностями граната, о котором писал еще в 1959 году М.К. Кадырбаев, когда обнаружил

в кургане с «усами» №19 могильника Канаттас в Центральном Казахстане золотую пластину (диадему) IV-V вв. н.э., инкрустированную различными видами граната – спессартин, пироп, альмандин (Кадырбаев, 1959: 193, 197).

Интересно, что результаты спектрального анализа состава металла изделий из Канаттаса, проведенного еще в 1958 году, показали более подробную характеристику, нежели анализ схожих вещей из Атасу-2, выполненный на новейшем электронно-зондовом микроанализаторе в том же Институте геологических наук в Алматы в 2018 году (Кадырбаев, 1959: 201; Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров, 2018: 107, табл. I).

В культурно-хронологическом отношении предметы с гранатовыми вставками из Атасу-2 принадлежат к кругу полихромных изделий из Канаттаса, Борового (Бернштам, 1951: 218-221, рис. 1-6); можно указать на серебряную гривну с окончанием в виде дракона из Караагаша в Акмолинской области, на многочисленные колты – из Актасты и Кызылкайнартобе в Жетысу (Акишев, Акишев, 1983: 28-32, 180-202), у Сибирских озер в Восточном Казахстане (Самашев, 2013: рис. 363), на общеизвестную диадему из Каргалы и т.д. На западе степного пространства отметим золотую пластину на бронзовой основе из Солончанка-I со вставками граната-альмандина (Любчанский, Таиров, 1999: 31, 57, рис. 24.7).

В круг изделий гуннского облика можно включить еще одну золотую пластину из «центрального» кургана № 16 могильника Сыпра-оба (возможно, Сыпыра оба) близ урочища Егизкойтас в Центральном Казахстане, с орнаментом в технике пуансон, но без инкрустации (Кадырбаев, 1959: 189, рис. 23)

Датировка памятника Атасу-2 – V в. н.э., в целом, корректна, но с учетом предпочтительности хунно (гуннского) направления поиска, можно было бы датировать комплекс IV-V вв. н.э. и связывать исходные формы больше с северокитайско-монгольским, еще точнее, южно-алтайско-жетысуским регионами, а не среднеазиатской или восточноевропейской провинциями распространения подобного рода изделий в полихромном стиле.

Заключение

Системообразующие компоненты второй категории объектов с каменными грядами, судя по радиоуглеродным датам, датируются разными культурно-историческими периодами. Так, основной элемент – курганообразное сооружение

(хотя, какой из элементов можно считать основным – тоже вопрос, поскольку видообразующим элементом этих памятников является «усы») – раннесакским временем (VIII-VI вв. до н.э.), а малое курганообразное сооружение – примерно II-V вв. н.э.

Таким образом, объекты первой категории и малые объекты второй категории одновременны; они охватывают время от начального периода продвижения на запад хунну (гуннов), до периода появления на исторической арене небесных тюрков. Следовательно, есть основание связывать происхождение этого феномена с культурным комплексом хунну (гуннов). Однако, на исходной территории формирования этих этнокультурных образований именно таких форм сооружений, относящихся к II-V вв. н.э., пока неизвестно. Поэтому версию о распространении «объектов с каменными грядами» вместе с продвижением носителей идеологии и практики данного феномена с исконной территории сложения этнокультурного массива хунну на запад (через Западный Алтай и Жетысу) необходимо разрабатывать с использованием обширного комплекса новых источников.

Совпадение по времени процессов продвижения хунну (и гуннов) и распространения «объектов с каменными грядами» еще не гарантирует их взаимосвязь; требуются дополнительные аргументы для продолжения разработки в этом направлении.

Что касается принадлежности объектов с каменными грядами к тасмолинской культуре раннего железного века Центрального (и Северного) Казахстана, то, наверное, к этой проблеме нужно подойти с позиции современных тенденций в археологии, исходя из основополагающих принципов выделения археологических культур. Во-первых, сама тасмолинская культура, в свете новейших данных, уже не кажется столь монолитной, имеющей значительный территориально-хронологический диапазон, как казалось раньше, т.е. есть вопросы о факте ее существования в длительное время, охватывая огромные степные пространства от Жайыка до Иртыша и до границ лесостепи на севере. Во-вторых, они, согласно данным по С-14, датируются, преимущественно, II-V вв. н.э., т.е. началом раннесредневековой эпохи (шире периодом Великого переселения наро-

дов), что уже исключает возможность включения их в тасмолинскую археологическую культуру.

О значительной удаленности курганов с «усами» от тасмолинской культуры высказывались и раньше (Любчанский, 1998: 306). Для снятия такого противоречия был выдвинут тезис о впускном характере поздних захоронений. Однако, полагаю, что такая традиция не могла устойчиво сохраняться в пространстве от Алтая до Уральских гор на протяжении нескольких столетий.

Резкое увеличение количества объектов с каменными грядами в Тургайском регионе, где в позднее сарматское время был распространен особый вид сооружений из насыпного грунта (суглинок, глина) – геоглифы, как полагают, культового характера, напоминающие, в ряде случаев, известные знаки-тамги сарматов (Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016: 56-65), может толкнуть на новую идею поиска истоков этого феномена на севере казахских степей.

Способ возведения элементов таких сооружений, в частности, «усов» из грунта, даже при наличии вокруг естественных выходов камня, демонстрирует, например, Солончанка-I в Оренбуржье.

Хронологически и по назначению, и особенно смысловому содержанию культово-обрядовых действий, объекты с грядами вполне сопоставимы с так называемыми «аранами» на Устюрте, которые на обыденном уровне неправильно интерпретируются как сооружения этнографического времени для загонной охоты.

Поэтому есть основание в перспективе рассматривать «курганы с усами», геоглифы и араны как близкие по содержанию семантикой нагрузки, однопорядковые явления, имевшие место в степном пространстве во II-V вв. н.э.

Вопрос о происхождении этих видов памятников, вероятно, можно рассматривать как с моноцентристской, так и полицентристской позиций и в контексте близких по побудительным мотивам и практики реализации явлений конкретного культурно-хронологического горизонта.

Работа выполнена в рамках проекта: АР09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана».

Литература

- Арсланова Ф.Х. (1975) Курганы «с усами» Восточного Казахстана. Древности Казахстана. Алма-Ата. С. 116-129.
- Айткали, А. К., Жунисханов, А. С., Доумани Дупью, П. Исин, А. И., Рахманкулов, Е., Курмангалиев, А. К. (2019) Новые данные о курганах «с усами» Восточного Казахстана. Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической Научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан. С. 208-222.
- Акишев К., Акишев А. (1983). Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: «Өнер».
- Бейсенов А.З. (1996). Некоторые вопросы изучения культово-ритуальных курганов с каменными грядками Казахстана на современном этапе. Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. С. 112-122.
- Бейсенов А.З. (1998). Об астрономических исследованиях на курганах с каменными грядками (по поводу статьи Н.М. Бекбасарова «Курган с усами на р. Сага: астрономическое содержание расположения его элементов»). Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2, с. 171-175.
- Бейсенов, А.З., Дуйсенбай, Д.Б., Ахияров, И.К., Свято, С. В. (2016). Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане. Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск. С. 233-239.
- Бейсенов, А. З., Умиткалиев, У. У., Дуйсенбай, Д. Б. (2017а). Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами». Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы. С. 50-60.
- Бейсенов А.З. (2017б). Курганы с «усами» Центрального Казахстана. Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы. С. 31-37.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Свято С.В. (2017с). Курган с «усами» Жамантас. Самарский научный вестник. №3 (20), Т. 6, с. 227-231.
- Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. (2018). Курган с «усами» Атасу-2. Поволжская археология. № 3(25), с. 103-117
- Умиткалиев, Ү. Ү., Айтабаев, А.Б., Әбдіғали, Н.Ә. (2016). Қырықжүзгір қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары. Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология, музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан 1–2 апреля 2016 г. Алматы. 151–157.
- Бекбасаров Н.М. (1998). Курган с «усами» на р. Сага: астрономическое содержание расположения его элементов. Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, Москва: «Гылым». С. 163-170.
- Бернштам А.Н. (1951). Очерк истории гуннов. Ленинград: ЛГУ.
- Боталов С.Г. (1998). Раннегорские памятники урало-казахстанских степей. Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара. С. 321-330.
- Боталов С.Г., Таиров, А. Д., Любчанский, И. Э. (2006). Курганы с усами Урало-Казахстанских степей Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН.
- Грудочко И. В. (2019). Курганы с «усами» как ритуальные комплексы кочевников урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Челябинск. 395 с.
- Кадырбаев М.К. (1959). Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7, с. 162-203.
- Кадырбаев М.К. (1966). Памятники тасмолинской культуры. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.
- Кукушкин И. А. (2004). Курганы с «усами»: семантический аспект. Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научн.-практ. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы. С. 33–37.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. (2016). Ритуальный комплекс Урпек (предварительное сообщение). Религия и система мировоззрений древних и средневековых народов Евразии. Астана. С. 56-64.
- Любчанский И.Э.(1998). Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» евразийских степей. Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. С. 303-310.
- Любчанский, И. Э., Таиров, А. Д. (1999). Археологические исследования комплекса курган с «усами» Солончанка I. Сб. науч. тр. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск. С. 5–62.
- Мариковский, П.И. (1977). О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана. Вестник АН КазССР. № 5, с. 54-61
- Мариковский П.И. (1983). К изучению астрономического значения курганов с грядками. Вестник АН КазССР. № 4, с. 26–31.
- Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. (2020). Курган военной элиты саков Торгая. «Поволжская археология», № 3 (33), с. 233-247.
- Оразбаев, А. М. (1969). Курган «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата. С. 175-189.
- Самашев, З. (2013). История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье. Казахское искусство: в 5-ти томах Т.1. Алматы.

Сорокин, С.С. (1981). К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии. Археологический сборник Государственного Эрмитажа, №22, с. 23–39.

References

- Arslanova F.KH. (1975). Kurgany «s usami» Vostochnogo Kazakhstana. [Barrows «with mustaches» of East Kazakhstan]. *Drevnosti Kazakhstana*. Alma-Ata. S. 116-129.
- Aytkali, A.K., Zhuniskhanov, A.S., Doumani Dup'yu, P., Isin, A.I., Rakhmankulov, Ye., Kurmangaliyev, A.K. (2019). Novyye dannyye o kurganakh s «usami» Vostochnogo Kazakhstana. [New data on mounds with “mustaches” in East Kazakhstan]. *Margulanovskiy chteniya – 2019: Materialy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy Nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya kazakhstanskogo arkheologa K. A. Akisheva*. Nur-Sultan. S. 208-222.
- Akishev K., Akishev A. (1983). *Drevneye zoloto Kazakhstana*. [Ancient gold of Kazakhstan]. Alma-Ata: «Oner».
- Beysenov A.Z. (1996). Nekotoryye voprosy izucheniya kul'tovo-ritual'nykh kurganov s kamennymi gryadami Kazakhstana na sovremennom etape. [Some questions of the study of cult-ritual mounds with stone ridges in Kazakhstan at the present stage]. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg. S.112-122.
- Beysenov A.Z. (1998). Ob astronomicheskikh issledovaniyakh na kurganakh s kamennymi gryadami (po povodu stat'i N.M. Bekbasarova «Kurgan s usami na r. Saga: astronomicheskoye sodержaniye raspolozheniya yego elementov»). [On astronomical research on mounds with stone ridges (regarding the article by N.M. Bekbasarov “A mound with a mustache on the Saga river: astronomical content of the location of its elements”)]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. Vyp. 2, s. 171-175.
- Beysenov, A.Z., Duysenbay, D.B., Akhiyarov, I.K., Svyatko, S.V. (2016). Radiouglerodnyye daty kurgana s «usami» iz mogil'nika Tandayly 2 v Tsentral'nom Kazakhstane. [Radiocarbon dates for a barrow with a “mustache” from the Tandaila 2 burial ground in Central Kazakhstan]. *Yevraziya v Kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. Irkutsk. S. 233-239.
- Beysenov, A.Z., Umitkaliyev, U.U., Duysenbay, D. B. (2017a). Pamyatniki khrebtu Chingistau. Kurgany s «usami». [Monuments of the Chingistau ridge. Barrows with “mustaches”]. *Arkheologicheskoye naslediyе Tsentral'nogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 70-letiyu organizatsii Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana. Almaty. S. 50-60.
- Beysenov A.Z. (2017b). Kurgany s «usami» Tsentral'nogo Kazakhstana. [Barrows with “mustaches” of Central Kazakhstan]. *Arkheologicheskoye naslediyе Tsentral'nogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Almaty. S. 31-37.
- Beysenov A.Z., Duisenbai D.B., Svyatko S.V. (2017s). Kurgan s «usami» Zhamantas. [Barrow with “mustaches” Zhamantas]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. №3 (20), T. 6, s. 227-231.
- Beysenov A.Z., Torgoyev A.I., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K. (2018). Kurgan s «usami» Atasu-2. [Barrow with “mustache” Atasu-2]. *Povolzhskaya arkheologiya*. № 3(25), s. 103-117
- Umitkaliyev, U.U., Aytabayev, A.B., Abdigali, N.A. (2016). Kyrykungir korymynda zhyrgizilgen arkheologiyalyk kazba zhymystary. [Archaeological excavations at the Kyrykungur cemetery]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «VIII Orzabayevskiyе chteniya» po teme «Arkheologiya, etnologiya, muzeologiya v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya», priurochennoy k 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan 1–2 aprelya 2016 g.* Almaty. 151–157.
- Bekbasarov N.M. (1998). Kurgan s «usami» na r. Saga: astronomicheskoye sodержaniye raspolozheniya yego elementov. [Kurgan with a “mustache” on the river. Saga: the astronomical content of the arrangement of its elements]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. Vyp. 2. Almaty, Moskva: «Gylm». S. 163-170.
- Bernshtram A.N. (1951). *Ocherk istorii gunnov*. [Essay on the history of the Huns]. Leningrad: LGU.
- Botalov S.G. (1998). Rannetyurkiskiye pamyatniki uralo-kazakhstanskikh stepey. [Early Turkic monuments of the Ural-Kazakh steppes]. *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy khronologii)*. Samara. S. 321-330.
- Botalov S.G., Tairov, A. D., Lyubchanskiy, I. E. (2006). Kurgany s usami Uralo-Kazakhstanskikh stepey. [Mounds with mustaches of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy filial IIA UrO RAN.
- Grudochko I. V. (2019). Kurgany s «usami» kak ritual'nyye kompleksy kochevnikov uralo-kazakhstanskikh stepey (IV–VII vv. n. e.). [Barrows with “mustaches” as ritual complexes of nomads of the Ural-Kazakh steppes (IV-VII centuries AD)]. *Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Chelyabinsk. 395 s.
- Kadyrbayev M.K. (1959). Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana. [Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan]. *Trudy IIAE AN KazSSR*. T. 7, s. 162-203.
- Kadyrbayev M.K. (1966). Pamyatniki tasmolinskoй kul'tury. [Monuments of Tasmola culture]. Margulan A.KH., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orzabayev A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana*. – Alma-Ata: Nauka.
- Kukushkin I. A. (2004). Kurgany s «usami»: semanticheskiy aspekt. [Barrows with “mustaches”: the semantic aspect]. *Novyye issledovaniya po arkheologii Kazakhstana: tr. nauchn.-prakt. konf. «Margulanovskiyе chteniya-15»*. Almaty. S. 33–37.
- Logvin A.V., Shevnina I.V., Seitov A.M. (2016). Ritual'nyy kompleks Urpek (predvaritel'noye soobshcheniye). [Urpek ritual complex (preliminary announcement)]. *Religiya i sistema mirovozzreniy drevnikh i srednevekovykh nomadov Yevrazii*. Astana. S. 56-64.
- Lyubchanskiy I.E. (1998). Khronologicheskkiye aspekty kompleksov «kurganov s usami» yevraziyskikh stepey. [Chronological aspects of the complexes of “barrows with mustaches” of the Eurasian steppes]. *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n. e. (voprosy khronologii)*: *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n. e. (voprosy khronologii)*: *Materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina. S. 303-310.

Lyubchanskiy, I. E., Tairov, A. D. (1999). Arkheologicheskiye issledovaniya kompleksa Kurgan s «usami» Solonchanka I. [Archaeological research of the Kurgan with “mustache” complex Solonchanka I]. Sb. nauch. tr. Otv. red.: Tairov, A. D. Chelyabinsk. S. 5–62.

Marikovskiy, P.I. (1977). O drevnikh astronomicheskikh sooruzheniyakh na territorii Kazakhstana. [About ancient astronomical structures on the territory of Kazakhstan]. Vestnik AN KazSSR. № 5, s. 54–61.

Marikovskiy P.I. (1983). K izucheniyu astronomicheskogo znacheniya kurganov s gryadkami. [To the study of the astronomical significance of the mounds with beds]. Vestnik AN KazSSR. № 4, s. 26–31.

Ongaruly A., Kairmagambetov A.M., Nuskabay A.A., Rakhimzhanova S.ZH. (2020). Kurgan voyennoy elity sakov Torgaya. [The mound of the Torgai Sakas military elite]. «Povolzhskaya arkheologiya», № 3 (33), s. 233–247.

Orazbayev, A. M. (1969). Kurgan «s usami» v mogil’nikе Dzhanaydar kak arkhitekturnyy pamyatnik. [Mound “with a mustache” in the Dzhanaydar burial ground as an architectural monument]. Kul’tura drevnikh skotovodov i zemledel’tsev Kazakhstana. Otv. red.: Akishev, K. A. Alma-Ata. S. 175–189.

Samashev, Z. (2013). Istoriya izobrazitel’nogo iskusstva Kazakhstana. [History of the fine arts of Kazakhstan]. Drevnost’ i srednevekov’ye. Kazakhskoye iskusstvo: v 5-ti tomakh T.1. Almaty.

Sorokin, S. S. (1981). K voprosu o tolkovanii vnekgurnykh pamyatnikov rannikh kochevnikov Azii. [On the Interpretation of Non-Burial Monuments of the Early Asian Nomads]. Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha, № 22, s. 23–39.